

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

В шести томах

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академик А. О. ЧУБАРЬЯН (главный редактор)
член-корреспондент РАН В. И. ВАСИЛЬЕВ (заместитель главного редактора)
член-корреспондент РАН П. Ю. УВАРОВ (заместитель главного редактора)
доктор исторических наук М. А. ЛИПКИН (ответственный секретарь)
член-корреспондент РАН Х. А. АМИРХАНОВ
академик Б. В. АНАНЬИЧ
академик А. И. ГРИГОРЬЕВ
академик А. Б. ДАВИДСОН
академик А. П. ДЕРЕВЯНКО
академик С. П. КАРПОВ
академик А. А. КОКОШИН
академик В. С. МЯСНИКОВ
член-корреспондент РАН В. В. НАУМКИН
академик А. Д. НЕКИПЕЛОВ
доктор исторических наук К. В. НИКИФОРОВ
академик Ю. С. ПИВОВАРОВ
член-корреспондент РАН Е. И. ПИВОВАР
член-корреспондент РАН Л. П. РЕПИНА
академик В. А. ТИШКОВ
академик А. В. ТОРКУНОВ
академик И. Х. УРИЛОВ

МОСКВА НАУКА 2013

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Том 4

Мир в XVIII веке

Ответственный редактор тома
доктор исторических наук С. Я. КАРП

МОСКВА НАУКА 2013

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 13-01-16020

Редакционная коллегия:

А.Б. Каменский, С.Я. Карп (ответственный редактор), М.С. Мейер,
М.А. Петрова (ответственный секретарь), Н.Ю. Плавинская,
И.М. Смилянская, А.В. Чудинов

Рецензенты:

доктор исторических наук С.А. Мезин,
доктор исторических наук А.Л. Рябинин

Всемирная история : В 6 т. / гл. ред. А.О. Чубарьян ; Ин-т всеобщ. истории
РАН. – М. : Наука. – 2011. – ISBN 978-5-02-036725-8.

Т. 4 : Мир в XVIII веке / отв. ред. С.Я. Карп. – 2013. – 787 с. – ISBN 978-5-02-
038037-0 (в пер.).

Авторы тома знакомят читателей с картиной мира в XVIII в., сложившейся в современной исторической науке, а также с проблематикой новейших исследований, посвященных судьбам основных регионов в этом столетии. Традиционный взгляд на Просвещение как на культурный феномен, действие которого ограничивалось европейскими странами и сферой их влияния, обогатился представлением об этой эпохе как о качественно новой стадии глобального взаимодействия культур. Стремительное развитие контактов Европы с другими цивилизациями дало современникам богатую пищу для размышлений о единстве и разнообразии судеб стран и народов. Имеют ли ценности, тесно связанные с наследием европейского XVIII века – практика свободы, права человека, вера в прогресс, – абсолютный и универсальный характер? Стоит ли бороться за их распространение? Или следует признать неизбежность сосуществования различных систем ценностей, причем не только в мире, но и в рамках отдельных стран? Как в этом случае они будут интегрироваться в процесс глобализации? Эти вопросы, уходящие корнями в эпоху Просвещения, звучат сегодня особенно актуально.

Для историков и более широкого круга читателей.

По сети «Академкнига»

ISBN 978-5-02-036725-8

ISBN 978-5-02-038037-0 (т. 4)

© Институт всеобщей истории РАН, 2013
© Коллектив авторов, 2013
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2013

Мир искони делился на две части – Восток и Запад. Это не только географическое деление, но также и порядок вещей, обусловленный самой природой разумного существа (...) На Востоке мысль, углубившись в самое себя, уйдя в тишину, скрывшись в пустыне, предоставила общественной власти распоряжаться всеми благами земли; на Западе идея, повсюду распространяясь, вступаясь за все нужды человека, алкая счастья во всех его видах, основала власть на принципе права; тем не менее, и в той, и в другой сфере жизнь была сильна и плодотворна; там и здесь человеческий разум не имел недостатка в высоких вдохновениях, глубоких мыслях и возвышенных произведениях.

П.Я. Чаадаев. *Апология сумасшедшего*
(1836)

Противопоставление Востока Западу не только ошибочно, но и контрпродуктивно. Чем меньше мы будем использовать это противопоставление для описания захватывающей истории различных интерпретаций и конфликтов, тем будет лучше. (...) Одно из важных достижений современной теоретической мысли заключается именно в осознании того почти общепризнанного факта, что культуры гибридные и неоднородные, что (...) цивилизации настолько связаны друг с другом и настолько взаимозависимы, что их своеобразие не поддается никакому схематическому и упрощенно-разграничительному толкованию.

Эдвард Саид. *Ориентализм*
(Послесловие к изданию 1994 г.)

На самом деле привычное разделение мира на Запад и Восток, характерное для XIX и XX вв., не было столь очевидной данностью для европейцев XVIII столетия. Судя, например, по фреске Дж.Б. Тьеполо «Аполлон и континенты», украшающей епископскую резиденцию в Вюрцбурге, их воображению представлялись скорее четыре части света или четыре континента – Европа, Азия, Африка, Америка. На этой фреске, созданной в 1752–1753 гг., Европа восседает, как ей и подобает, на троне, опирающемся на быка, в окружении символов литературы и искусства, эмблем христианства и воинской славы. Азию символизирует женщина в тюрбане, утонувшая в складках широких одежд; она сидит на слоне, ее окружают мудрецы, воины и рабы. Африка предстает пышногрудой чернокожей красавицей, расположившейся на лежащем верблюде в окружении слуг, торговцев, диковинных животных и птиц. Америка изображена роскошной индианкой в головном уборе из перьев, сидящей верхом на аллигаторе. У нее за спиной – лук; у ее ног – коленопреклоненный бородач, поддерживающий огромный рог изобилия – символ природных богатств.

В Европе XVIII в. аллегории четырех континентов встречались повсюду – в скульптурных ансамблях площадей, садов и парков, на живописных

Именно создание новых и обновление старых образовательных структур спасло французскую науку от гибели, поскольку в этих структурах сохранялись научные традиции, а условия для создания и функционирования научных школ оказались в них вполне благоприятными. Развитие научно-технического образования способствовало также преодолению идеологических стереотипов и антинаучных предубеждений. Образовательные институты давали возможность ученым (в том числе и экс-академикам) вести в их стенах исследовательскую работу, обеспечивали людям науки относительный материальный и психологический комфорт. Наконец, успешная деятельность этих институтов, как правило специализированных, но дававших широкую и глубокую общенаучную подготовку по фундаментальным дисциплинам, способствовала формированию ученого нового типа, не натурфилософа, но широкообразованного специалиста.

Обычно полагают, что XVIII век стал в истории Европы веком разрыва с прошлым. Между тем, именно в этом столетии произошел колоссальный прорыв в его изучении – в общих чертах была реконструирована «перспектива истории» и видоизменилась «идея истории» человечества. В эпоху Просвещения была создана новая «картина мира» прошлого, начали формироваться основные направления и понятийный аппарат исторической науки. Возникновению понятия «культура», вошедшего в широкий обиход европейской общественной мысли лишь во второй половине столетия, во многом способствовало пристальное внимание европейских интеллектуалов к ее разнообразному материальному субстрату.

Отношение к древностям как историческому источнику сформировалось в эпоху Возрождения (XV–XVI вв.). В Италии повсеместно велись кладочислительские раскопки и сбор «антиков», положивших начало «антикваризму». Употребляющийся ныне термин археология («архайо» – древний, «логос» – слово, мысль, учение) встречался уже у греческих авторов, хотя вплоть до начала XIX в. бытовали восходящие к римским источникам определения слова «antiquitates» – древности, «antiquarius» – антикварий, т. е. любитель старины. Достойными внимания признавались рукописи, эпиграфические и нумизматические памятники, высокохудожественные произведения античного искусства и ремесла, которые воспринимались как иллюстрации к свидетельствам античных авторов. Появились первые опыты описания древностей, систематизации и исследования предметов, оказавшихся в церковных и светских хранилищах. Предметы, найденные случайно или добытые в ходе раскопок, изначально подразделялись на «говорящие» (тексты и надписи на камне, керамике, папирусе, пергамене, бумаге, монетах, печатях) и «молчаливые» (остатки строений, произведения искусства, предметы быта). Различные виды и типы источников требовали разных методов их документирования и критического изучения, что дало импульс к формированию целого ряда историко-филологических* дисциплин с собственными объектами и предметами исследования.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ «ДРЕВНОСТЕЙ»

Широкое распространение рационализма и гипотетико-дедуктивной методологии познания Ф. Бэкона привело к пониманию того, что наука должна стать делом научных коллективов, получающих поддержку от государства и меценатов. По всей Европе организуется широкая сеть академий, университетов, библиотек, музеев. В XVII в. была создана «большая» Французская Академия (1635) и «малая» Академия надписей и изящной словесности

* Термин «филология» был введен немецким антиковедом Ф.А. Вольфом (1759–1824) только в начале XIX в.

(1666), объединявшая филологов-классиков, историков, эпитафистов и нумизматов. В 1660 г. Карл II Стюарт учредил Лондонское Королевское общество, занимавшееся не только естественно-историческими исследованиями, но и описанием археологических находок; появляются Ассоциация антиквариев (1707), общества антиквариев в Лондоне (1718) и в Эдинбурге (1728), Общество дилетантов в Лондоне (1733).

В ряде стран были организованы специальные ведомства охраны памятников. По примеру Ватикана и Англии, где смотрители древностей появились в эпоху Возрождения, шведский король Густав II Адольф в 1630 г. учредил Государственный антиквариат во главе с королевским антиквариером, отвечавшим за сохранность предметов старины. В 1666 г. была создана Коллегия антиквариев, являвшаяся и учебным заведением, и хранилищем археологических находок, позже преобразованная в Архив древностей и объединенная с Государственным антиквариатом (в 1786 г. вошел в состав Шведской Академии истории и древностей).

В XVI–XVIII вв. Европа открывает для себя целый ряд «новых миров» на разных континентах. Начинается освоение земель, «найденных» в эпоху Великих географических открытий. Это немедленно отразилось на составе и качестве музейных собраний – предметы быта восточных цивилизаций и «диких народов» всего мира распространялись как диковины. Интерес собирателей стал дифференцироваться между памятниками античности, местными артефактами и экзотическими древностями, привозимыми из дальних странствий. Наряду с «натуралиями» собрания «артифициалий» разных эпох и народов появились в Кунст- и Вундеркамерах, в XVI–XVII в. открытых по всей Центральной и Северной Европе. Примером подобной коллекции может служить частное собрание голландского путешественника – бургомистра Амстердама и содиректора Ост-Индской компании Н. Витсена (1641–1717), побывавшего в загадочной для европейцев Московии и прославившегося книгой «Северная и Восточная Татария» (1692; переиздана с иллюстрациями в 1705 и 1785 гг.). Знакомство с ним и другими европейскими учеными оказало влияние на мировоззрение Петра I: царь сознательно сориентировал зарождающуюся русскую науку на европейские образцы, создав в Петербурге публичные Библиотеку и Кунсткамеру (1714) и Академию наук с университетом и гимназией (1724). К XVIII в. сложились крупнейшие художественные хранилища мира: Британский музей в Лондоне (1753), изначально основанный как общенациональное государственное хранилище древностей, музей Пио-Клементино в Ватикане (1771), королевское собрание в парижском Лувре, национализированное и превращенное в музей декретом Национального собрания в 1791 г. (открыт для посетителей в 1793 г.), петербургский Эрмитаж, созданный Екатериной II в 1764 г. как императорское собрание картин и предметов искусства (открыт для публичного обозрения в 1852 г.).

Сочетание понятия «культура» (противопоставленного «природе») с идеей «прогресса» (линейного или циклического) способствовало становлению взгляда на историю как на единый, но сложный процесс, выражающийся в последовательной смене состояний человеческого общества. Изучая культуру бесписьменных народов, просветители пришли к выводу о существовании «доисторического» периода истории и попытались выделить этапы его развития: дикость, хозяйственную основу которого составляли охота и

рыболовство; варварство, характеризующееся развитием земледелия, скотоводства и появлением частной собственности; затем – цивилизация. На смену унаследованного от Ренессанса «античноцентрического» взгляда на историю приходит сложная и полицентричная картина всемирной истории – «другие миры» были включены в общую хронологию исторического развития человечества (см. гл. «Открытие “цивилизации”»).

РОЖДЕНИЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Еще гуманисты Возрождения подвергали сомнениям достоверность информации письменных источников, отделяя сообщения древних авторов от их позднейших толкований. В эпоху Реформации и особенно в XVII в. под влиянием идей Ф. Бэкона и Р. Декарта были разработаны методы внешней критики источников и проверки истинности сообщаемых ими данных. Яркий пример разительных изменений в изучении исторических источников – сожженная по настоянию церкви сразу после издания книга «Критическая история Ветхого Завета» (1678) французского библеиста, члена ордена ораторианцев Р. Симона (1638–1712). Автор решил проследить процесс появления священных книг как литературных произведений, которые создавались на протяжении длительного времени, попытался воссоздать историю текстов и их толкования, наглядно продемонстрировав методы выявления древнейших частей текста и установления их сохранности.

К середине XVIII в. уже было выработано понятие «исторический факт» и заложены принципы внутренней критики источника и в целом основы источниковедения. Заслуга их разработки принадлежит профессору Гёттингенского университета и почетному члену Петербургской академии наук А.Л. Шлёцеру (1735–1809). Шлёцер сформулировал принципы внутренней критики текста и дал блестящие образцы критических комментированных изданий русских летописей. В число исторических источников он включал, правда, в ранге второстепенных, также монеты, «подземные свидетельства» и «другие вещи, называемые древностями». Историк удалось показать познавательные возможности археологических источников по сравнению с письменными, причем в отдельных случаях он отдавал им предпочтение перед «древними повествованиями»: «Из развалин и могил выходит древняя Булгарская история, которая истребилась было из летописей». Шлёцер показал, что археологические памятники являются единственными источниками для дописьменной истории: благодаря изысканиям на Урале и в Сибири «находят живые следы просвещенных народов, которые в древние времена, быв совсем неизвестны остальному миру, занимались тут горною работою, но знали одну только медь, а не железо».

Новые требования к достоверности и качеству исторических источников были предъявлены авторами «Энциклопедии, или Толкового словаря наук» Дидро и Даламбера (1751–1772). В статье «История» Вольтер отметил лишь три достоверные точки отсчета для построения строгой хронологии: древневавилонские и китайские астрономические записи наблюдений о затмениях и единственный известный в его время эпитафический документ хроно-

графического содержания – Арундельский или Паросский мрамор*. Египетские пирамиды, предшествующие «всем известным эпохам и всем книгам», для Вольтера оставались символом высокоразвитой, хотя и неизученной цивилизации, а не только остатками «тщеславных усилий» древних царей. Как и Шлёттер, Вольтер осознавал информативную значимость археологического материала и приписывал «молчаливым» артефактам имманентно присущую им достоверность. Энциклопедисты, развивавшие идеи научного и общественного прогресса и постоянно соотносившие прошлое с настоящим, поставили перед историей ряд новых исследовательских задач, решить которые могла только «наука о древностях»: именно она выявляла и изучала памятники, указывающие точные даты событий, и тем самым фиксировала их абсолютную и относительную хронологию.

Собиранием, критическим исследованием и изданием текстов эпохи поздней Античности и Средневековья, разработкой научной хронологии истории в XVII–XVIII в. занимались монашеские конгрегации иезуитов-болландистов и бенедиктинцев. Болландист Д. Папebroх (1628–1714) усомнился в подлинности ряда средневековых документов, но его гиперкритику отверг Ж. Мабильон (1632–1707), член конгрегации св. Мавра и Академии надписей (1701), автор труда «О грамотах» (1681). Работая над 13-томным комментированным изданием «Анналов Ордена св. Мавра» (с 500 по 1157 гг.), он разработал методику экспертизы подлинности документов по почерку, стилю и особенностям их оформления, установил принципы датировки и происхождения рукописей и этим создал основы латинской палеографии и дипломатики. Мабильон разделил письмо на книжное и «дипломатическое» (письмо документа) и выдвинул теорию «национальных типов» письма (вестготского, лангобардского, англосаксонского, меровингского). Последнюю опроверг итальянский антикварий и драматург Ш. Маффеи (1675–1755), доказавший, что эти типы являются результатом переработки древнеримского письма.

Греческая палеография была разработана бенедиктинским монахом-мавристом Б. де Монфоконом (1655–1741). Он четверть века изучал произведения античных и раннесредневековых авторов и работы филологов XV–XVII в., накопивших немалый опыт по чтению и датировке греческих рукописей византийской эпохи из библиотек Италии и Франции, а также единичных греческих папирусов из Египта, которые появились в Европе с XVI в. Фундаментальные «Греческая палеография» (1708) и «Библиотека библиотек новых рукописей» (1739) Монфокона сформулировали принципы греческой кодикологии, эпиграфики и папирологии, которые изучают документы на камне, пергамене (и бумаге) и на папирусах. Автор реконструировал историю греческого письма с древнейших времен до падения Византийской империи (1453), опубликовал первый каталог писцов и первый указатель рукописных коллекций. Рождение папирологии традиционно связывают все же

* Marmora Arundeliana, Marmor Parium – памятник, поставленный, вероятно, частным лицом; содержал хронику греческих политических и литературных событий от царствования Кекропа до архонтства Диогнета Афинского 264 г. до н.э. (сохранившаяся часть текста доходит до 355 г. до н.э.). Мрамор был найден в начале XVII в. на о. Парос, привезен в Смирну, в 1627 г. приобретен для лорда Т.Г. Арундела (1580–1646), стремившегося «пересадить Грецию в Англию», с 1667 г. хранится в Оксфордском университете.

не с Монфоконом, а с датой первой публикации египетского папируса из собрания кардинала Стефано Борджиа – Charta Borgiana, которая принадлежит датскому ученому Н.И. Шоу (1788).

Наука о печатях сфрагистика (греческий термин закрепился в XIX в.) вплоть до XVIII в. считалась частью дипломатики. Она разрабатывала приемы датирования документа и установления его подлинности с помощью изучения печатей на нем. Своим появлением она обязана знатоку римского и немецкого права И.Г. Хайнеке или Гейнекцию (1681–1741), автору труда «Германские древности, иллюстрирующие отечественное право», профессору университета в Галле, где он также читал философию, историю литературы, христианские и римские древности.

Начиная с эпохи Возрождения, интенсивно вводятся в научный оборот эпиграфические источники: с 1603 по 1765 г. было опубликовано около 12 сводов надписей, главным образом латинских. Самым крупным из них стал четырехтомник из 15 тыс. надписей (1739–1742), составленный итальянским эрудитом А. Муратори (1672–1750), который одним из первых подверг критическому пересмотру памятники, обследованные именитыми предшественниками, в частности смотрителем древностей при папе Пие IV и крупнейшим фальсификатором античных надписей П. Лигорио (1510–1583). История эпиграфики знает немало примеров не только фальсификаций, но и сознательного уничтожения источников. Так, по поручению Людовика XV в 1728–1729 гг. для собирания надписей и рукописей на Восток был отправлен знаток сирийского языка иезуитский аббат М. Фурмон (1690–1746). В Греции им было собрано 3000 надписей, но известно лишь около 1200 его крайне неточных и небрежных копий. Впоследствии Фурмона уличили в фальсификациях и уничтожении надписей, часть которых он зарывал в землю, чтобы скрыть следы своих подделок и сделать невозможной проверку копий. Рабочим, трудившимся целый месяц под руководством Фурмона на раскопках в древней Спарте, он приказал разрушить оставшиеся руины, чтобы сделать свое путешествие «знаменитым». В письмах к министру внутренних дел графу Ж.Ф.Ф. де Морепа он хвастался своими «подвигами», именуя себя «Фурмоном Спартакским». Спустя 75 лет английский путешественник и коллекционер антиков Э. Додвел (1767–1832) в 1801 г. слышал в Мистре рассказы о варварстве некоего француза, копировавшего надписи и разбиравшего мраморы молотком, чтобы стереть их следы.

Становление латинской эпиграфики как науки состоялось во второй половине XVIII в., когда стали разрабатываться приемы внешней и внутренней критики источников, выделяться виды графических форм (букв, шрифтов), проследиваться их эволюция и традиционные формулы и системы сокращений лапидарных надписей, совершенствоваться способы их копирования и дешифровки, а также относительной и абсолютной датировки. Основы эпиграфики были заложены трудами уже упоминавшегося вольтерского антиквара Ш. Маффеи (1749), сочинениями Морчелли о стиле латинских надписей (1780–1781) и Г. Марини, издателя латинских надписей виллы Альбани (1785). В них впервые обоснован принцип точного копирования и издания надписей, без намеренных «приукрашиваний», архаизирований или произвольных дописываний текста публикатором, которые были характерны для эпиграфических трудов предшествующих эпох.

Сходные этапы становления прошла нумизматика. Коллекционирование античных монет, привлекавших внимание своей редкостью и художественными достоинствами, началось в XIV–XV вв., и к XVIII в. сложились тысячи частных собраний по всей Европе. С XV в. стала появляться специальная литература, отражавшая основные формы и приемы нумизматического коллекционирования – тематический или хронологический подбор монет, составление инвентарей, изучение техники и веса монет, определение их коллекционной стоимости. Заслуга антиквариев состояла в накоплении, описании и систематизации памятников, разбросанных по разным коллекциям, но главным недостатком их трудов было отсутствие критической проверки издаваемого материала. Некоторые нумизматы использовали элементы внутренней и внешней критики этого рода «древностей»: английский просветитель Дж. Аддисон выступил против аллегорического толкования монетных изображений, широко распространившегося в начале XVIII в.; изучением легенд на монетах занимались дипломат Э. Шпанхайм и венский библиотекарь Э. Фрелих (1752); парижский коллекционер Ж. Пеллерен в издании своей 35-тысячной коллекции греческих монет (1765) впервые использовал географический принцип их распределения по монетным дворам.

Многие частные коллекции в результате войн и революций к концу XVIII в. вошли в состав государственных, королевских и императорских собраний – Кабинета медалей в Париже, Мюнц-кабинетов в Вене и Берлине, коллекций Британского музея в Лондоне, Кунсткамеры и Императорского Эрмитажа в Санкт-Петербурге. Концентрация нумизматического материала дала импульс к созданию основ научной нумизматики, связанной с именем хранителя венского императорского Мюнц-кабинета (с 1774 г.) И.Й.И. Эккеля (1737–1798), автора восьмитомного «Учения о древних монетах» (1792–1798). Эккель ввел критическую проверку материала и систематизацию монет по историко-географическому и хронологическому принципам, не утратившую значения до настоящего времени. Он затронул вопросы весовых систем, типологии монет и техники монетного дела, определения металла, а также попытался применить нумизматические данные для реконструкции политической и культурной истории древнего мира. Перестройку на научной основе средневековой нумизматики предпринял австрийский юрист, профессор Пражского университета Й. Мадер (1754–1815), который также систематизировал монеты, в частности брактеаты, по историко-географическому принципу и разработал шкалу для измерения монет Средневековья и Нового времени.

«РИМСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ» И РОЖДЕНИЕ ЭТРУСКОЛОГИИ

Одной из важнейших особенностей классицизма XVII – первой половины XVIII в. стало обращение к формам античного искусства как к идеальному эстетическому эталону. Это течение было порождено «Римским возрождением», начавшимся в XV в. Монархи и правители Италии и других католических стран использовали римское наследие для доказательства собственной причастности к древним корням. Вечный город становится центром паломничества антиквариев, которые стали понимать важность как

можно более точной фиксации и графического воспроизведения памятников старины. Увражные издания «древностей» уже в XVII в. достигают высокого уровня графического оформления – гравюра на дереве со временем была заменена более тонкой гравировкой на меди. К концу XVIII в. появляются совершенные по своим художественным качествам книги, сыгравшие значительную роль в популяризации античного наследия.

К XVIII в. была выполнена графическая фиксация практически всех известных римских архитектурных памятников Италии и Франции. Образцом подобных изданий может служить труд французского архитектора А. Дегодэ (1653–1728) «Античные сооружения Рима» (1682), который включал около 150 гравюр руин Вечного города, а также амфитеатра в Вероне. По точности обмеров и качеству оформления книга превзошла все, что было издано до нее, открыв серию высокохудожественных изданий архитектурной графики. Обнаружив в трудах предшественников множество противоречий и ошибок, Дегодэ решил представить древности в том виде, в каком он их зафиксировал, без каких-либо попыток приукрашивания и реставрации, и вошел в историю как основоположник точного архитектурного обмера. Его идеи получили развитие в историко-описательном увраже архитектора К. Фонтана (1634–1714) «Амфитеатр Флавиев» (1725), упрочившем новое направление в архитектурно-археологической графике: объективную фиксацию памятника в момент его изучения (в данном случае Колизея в 1708 г.) и его предполагаемой авторской реставрации.

В начале XVIII в. поток европейских путешественников в Италию значительно увеличился. Специально для любителей искусства «знатоки» античности отец и сын Ричардсоны издали путеводитель «Сообщение о статуях, барельефах, рисунках и живописи Италии» (1722), где впервые высказали мысль о возможности восстановления облика утраченных образцов греческой скульптуры по римским копиям. Ричардсоны показали важность фиксации места находки памятника, его детального описания и исследования.

Археологическое изучение Вечного города со времен Возрождения проводилось под контролем Ватикана. Первые масштабные, но хищнические раскопки на Палатине произвел в начале XVIII в. папский комиссар древностей, веронский прелат Ф. Бьянкини (1662–1729), автор книг «Погребальная камера и надписи гробницы вольноотпущенников дома Августа» (1727) и «Дворец Цезарей» (1738). Именно Бьянкини в книге «Всеобщая история, изложенная по памятникам и изображенная в древних символах» высказал мысль, что археологические памятники дают более достоверную информацию о прошлом, чем письменные источники.

Первая четверть XVIII в. знаменовалась взлетом интереса к древностям этрусков и появлением научной этрускологии. Их инициировали великолепные находки в гробницах Тосканы. Уже в эпоху Возрождения флорентийская знать и банкиры, называвшие себя прямыми наследниками этрусских царей, в политических целях поощряли раскопки древних этрусских гробниц. Изучением древностей занималась специально основанная Этруская академия в Кортоне (1727) с музеем при ней. В 1723 г. англичанином Т. Коуком был открыт трактат шотландского историка Т. Демпстера (1579–1625) «Семь книг об Этрусском царстве», написанный еще в 1615–1618 гг. Этот труд, дополненный комментариями и гравюрами, был опубликован во Флоренции

Ф. Буонаротти (1723–1724) и на столетие стал «Библией» этрускологии, соединив всю известную информацию письменных и археологических источников об этом народе. Флорентийский антикварий А.Ф. Гори, проводивший раскопки в Вольтерре (с 1728 г.), изучил коллекции великого герцога Тосканского и издал «Флорентийский музей» (1731–1762), «Этрусский музей» (1736–1743) и «Этрусские древности». К XVIII в. относятся и первые попытки прочтения этрусских надписей.

Неизвестные ранее архитектура и искусство, генетически связанные с греческой традицией, и артефакты, созданные до 79 г. н. э., стали известны европейцам после открытия остатков римских городов Геркуланума, Помпей и Стабий, погибших в результате извержения Везувия. В 1710 г. при рытье колодца случайно были открыты руины театра в Геркулануме. Этот земельный участок тут же приобрел лотарингский аристократ граф д'Эльбёф, возглавлявший с 1707 г. полк австрийской императорской армии в Неаполе. Он вел раскопки путем пробивания штолен и часть найденных статуй и архитектурных фрагментов отправил во Францию. Но власти Неаполитанского королевства заставили прекратить самовольные раскопки и перекупили участок. В 1738 г. Карл VII, желая пополнить королевские собрания древностей, взял раскопки под свой контроль, но они проводились без четкого плана. В 1750 г. за пределами геркуланумского городища швейцарский военный инженер и архитектор К. Вебер сделал сенсационную находку – открыл так называемую Виллу папирусов (вилла Кальпурния Пизона) с бронзовыми статуями и богатейшей частной библиотекой из 800 греческих и нескольких латинских свитков, которые в результате извержения превратились в хрупкие обугленные свертки. В 1756 г. священник из Ватиканской библиотеки А. Пьяджо изобрел специальную машину, способную открывать свитки без их повреждения, и в конце столетия в научный оборот стали вводиться факсимиле и транскрипции обнаруженных текстов – главным образом произведений Эпикура и его последователей.

Находки на Вилле папирусов стимулировали новые археологические исследования под руководством К. Вебера (1750–1761, 1764–1765). Его помощник, архитектор Ф. де Ла Вега, составлял точные планы раскопок, где отмечал места находок предметов искусства. Вебер, считающийся одним из основоположников полевой археологии, предлагал королю издать отчеты о раскопках, но его инициатива была отвергнута. В 1765 г. раскопки были приостановлены из-за выхода газа в одной из штолен – римский город скрывал 15–20-метровый слой пемзы и шлаков, в котором с трудом прорубали штольни и системы тоннелей 60 см шириной и 170 см высотой.

Вместо Геркуланума с 1748 г. стали раскапывать более доступные руины Помпей. В 1689 г. при устройстве колодца наткнулись на фрагменты фундамента древнего здания и открыли надпись со словом «Помпеи», но найденные остатки были ошибочно отождествлены с виллой Помпея Великого. Руководивший раскопками в 1748–1760 гг. инженер-полковник неаполитанской армии Р.Х. де Алькубьерре был уверен, что исследует Стабии, городище которых было им открыто и исследовано в 1749–1782 гг. Архитектурные остатки Стабий он приказал засыпать, из-за чего место раскопок было затеряно (исследования возобновились лишь в 1950-х годах). Методы раскопок Алькубьерре в Стабиях и в Помпеях с современных позиций не выдер-

живают критики: настенные росписи и напольные мозаики выламывали со своих мест и отправляли в Неаполь, где их вставляли в рамы для экспонирования в королевском музее, а исследуемый участок вновь засыпали землей. Алькубьерре интересовали лишь представляющие художественную ценность находки, остальные уничтожались, как не представляющие интерес для королевского собрания. При его преемнике Ф. де Ла Вега архитектурные остатки Помпей перестали перекрывать вынутым грунтом, землю начали вывозить за пределы городища; открытые памятники реставрировались, менее ценные находки оставлялись на месте для всеобщего обозрения. Окончательно решить вопрос о названии древнего города, погребенного под пеплом Везувия, помогла находка в 1763 г. надписи на пьедестале статуи с упоминанием Помпей.

Открытие остатков трех античных городов наглядно продемонстрировало недооцененную ранее специфику археологического источника – возможность точной фиксации и воссоздания многих аспектов жизни человека античной эпохи, прерванной внезапной природной катастрофой. Короли Неаполя организовали в Портичи музей Геркуланума (1758), которому по богатству античных памятников не было равного в мире. Посетившая Неаполь в 1781 г. княгиня Е.Р. Дашкова посоветовала Фердинанду IV полностью раскопать погибшие города, «все это очистить и расставить в том порядке, в каком каждая вещь найдена», т.е. создать музей под открытым небом, куда допускать посетителей за определенную плату, чтобы окупить расходы на раскопки. В 1740-х годах Неаполитанским королевством были ассигнованы средства на издание описаний и гравюр с древностей Геркуланума: «Описание первых открытий города Геркуланума» М. Венути (1749), «Украшения стен и полов комнат античных Помпей» и др. Для изучения и публикации материалов раскопок была создана Королевская Геркуланская академия археологии в Неаполе (1755–1799), предпринявшая издание восьми томистых томов серии «Древности Геркуланума» (1757–1792).

Раскопки Геркуланума и Помпей открыли миру высокохудожественные изделия греко-римского ремесла. Под их влиянием в архитектуре и предметах декоративно-прикладного искусства получает распространение стиль «à l'antique». Так, французский архитектор Ш.Л. Клериссо (1721–1820) использовал в проектах интерьеров мотивы помпейских росписей – так называемый «стиль Людовика XVI» или «арабески». Именно Клериссо сопровождал в путешествиях шотландских архитекторов братьев Р. и Д. Адамов, с 1755 г. изучавших древности Рима, затем руины в Спалато (ныне Сплит) в Далмации, Грецию и Египет (1757–1758). Вернувшись на родину, Р. Адам (1728–1792) создал проект реконструкции дворца Диоклетиана в Сплите, признав этот дворец величайшим воплощением римского гения, и опубликовал книгу о нем с зарисовками и планами, выполненными Клериссо (1764). Издание получило большой резонанс в среде антикоманов. В 1770-е годы, Клериссо изучал римские древности Франции и издал увраж с памятниками Нима (1778, переиздан в 1804 г. с текстом Г. Леграна).

По найденной расписной керамике, фрескам Помпей и Геркуланума антикварию смогли оценить античную живопись непосредственно, а не по описаниям древних авторов. Греческие расписные вазы в XVIII в. получили ошибочное название «этрусских», так как античная художественная керамика

стала известна в ходе изучения некрополей Этрурии. Британский посланник в Неаполе, коллекционер и знаток античного искусства У. Гамильтон (1730–1803) собрал значительную коллекцию расписных ваз из раскопок в Южной Италии (часть продана в 1772 г. Британскому музею). Своими «Древностями этрусков, греков и римлян», изданными бароном П.Ф.Г. д'Анкарвилем (1766–1767), он вдохновил Дж. Веджвуда на производство с 1769 г. серий фарфора под названием «Этрурия», а также ваз в греческом стиле.

В традиции антикваризма были написаны труды «папского префекта древностей» Дж.Б. Висконти (1722–1784) и его сына Э.К. Висконти (1751–1818). Последний на средства Ватикана издал каталог античного собрания музея Пио-Клементино (1792) и в конце XVIII в. переехал в Париж, где стал придворным антикварием Наполеона и членом Академии надписей (1804). Согласно Толентинскому договору папы Пия VI и Наполеона (1797), «антики» Ватиканского музея, часть статуй Капитолия, частные собрания герцога Браски, памятники виллы кардинала Альбани были конфискованы победителями и отправлены в Париж. Эти 517 памятников предназначались для открытого в Лувре в 1801 г. Музея Наполеона или Центрального музея. Туда же «по праву войны» в начале XIX в. отправились древнеримские «антики» из Флоренции, Вероны, Модены, Турина; собрание Боргезе, которое Наполеон приобрел у своего зятя К. Боргезе, стало основой Королевского музея в Париже. Их научные каталоги составил Э.К. Висконти, который ошибочно утверждал, что античное искусство в течение 600 лет – от Фидия до Адриана – сохранялось на одинаково совершенной эстетической высоте. С падением Наполеона (1815) при финансовой помощи Великобритании часть древностей была возвращена в Италию, остальные навсегда остались в Лувре.

«ГРЕЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ»

Раскопки в Геркулануме и Помпеях придали мощный импульс развитию неоклассицизма второй половины XVIII – первой трети XIX в., формировавшегося под воздействием эстетики Просвещения. Значительное влияние на него оказало так называемое «Греческое возрождение» – волна энтузиазма, вызванная открытием в середине – второй половине XVIII в. археологических памятников в Восточном Средиземноморье. В отличие от Италии, страны, входившие в состав Османской империи, из-за «железного занавеса» ислама оставались почти неизвестными европейцам, но в последней трети XVII – XVIII в. поездки в этот регион участились.

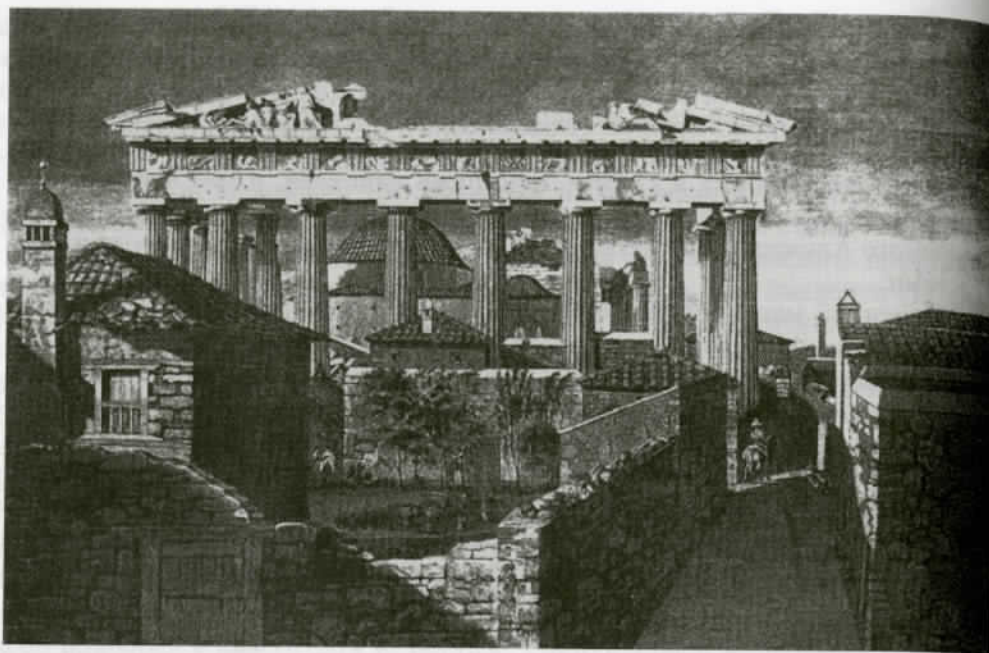
Поиском греческих надписей и рукописей занимались военные, дипломаты, антиквари, художники, ученые-естествоиспытатели. В 1700–1702 гг. по поручению французского короля профессор ботаники при Королевском саду лекарственных растений, член Парижской академии Ж. Питтон де Турнефор (1656–1708) в сопровождении художника королевских садов К. Обри (1651–1743) и немецкого естествоиспытателя А. Гундесхаймера (1668–1715) путешествовал по Греции, Азии и Африке для изучения растений, попутно занимаясь естественно-историческими, археологическими и этнографическими наблюдениями. Экспедиция объехала острова греческого Архипелага, Малую Азию, берега Черного моря, Армению, Грузию и добралась до гра-

ниц Персии. В «Сообщении о путешествии в Левант» (1717) помещены рисунки не только растений, но и скульптур, архитектурных фрагментов, надписей, а также впервые снятые планы ряда античных городов на островах Архипелага и в Малой Азии. Французский врач П. Люка (1664–1737) провел в путешествиях по Востоку и Греции четверть века, собирая коллекции для королевского кабинета и снимая эстампажи надписей, в том числе открытой Турнефором в Анкаре надписи «деяний» Октавиана Августа – так называемого Анкирского памятника (1701), но его описания изобилуют неточностями.

Немецкий математик К. Нибур (1733–1815) возглавлял научную экспедицию, посланную датским королем в Аравию, Персию, Сирию, Палестину и соседние страны (1762–1767), и единственный из пятерых европейцев вернулся домой. Он изучал остатки древних городов, в частности Персеполь, где скопировал ряд клинописных текстов, составил планы увиденных памятников и карты Красноморского побережья Аравии и всего Йемена. Подробные историко-географические сведения приводятся им в «Описании Аравии» (1772), «Описании путешествия по Аравии и другим близлежащим странам по собственным наблюдениям и сведениям, собранным на месте» (1774–1778) и посмертно изданном «Путешествии через Сирию и Палестину» (1837).

Несколько ранее (1737–1742) по Востоку путешествовал английский юрист, впоследствии англиканский епископ, член Лондонского общества антиквариев Р. Покок (1704–1765). В неоднократно переиздававшемся «Описании Востока и некоторых других стран» (1743–1745) им подробно, хотя и сумбурно, охарактеризованы руины древних сооружений и приведены рисунки, архитектурные чертежи и обмеры, планы городов не только Греции и островов Эгейского моря, но также Палестины, Ливана, Сирии, Месопотамии, Египта, Кипра, Крита и ряда стран Восточной Европы. Покок впервые издал сделанные по беглым наброскам чертежи величественных храмов Баальбека (1737) и изображения других памятников, в том числе находящихся в Афинах, многие из которых были разрушены. Для исследования монументальных памятников Пальмиры и Баальбека по следам Покока в 1750–1753 гг. Обществом дилетантов в Лондоне была отправлена экспедиция Дж. Даукинса (1722–1757) и Р. Вуда (1717–1771) в сопровождении итальянского архитектора Дж.Б. Борра. Ее результаты опубликованы одновременно на английском и французском языках в книгах «Развалины Пальмиры» (1753) и «Развалины Баальбека или Гелиополиса в области Сирии» (1757).

Ряд памятников классической Греции пострадал в ходе военных действий. Так, осада венецианцами Афин (1687) привела к существенным повреждениям скульптур Акрополя, которые в 1674 г. успел зарисовать фламандский художник Ж. Каррей (1649–1726), сопровождавший в путешествии по Греции французского посла в Порте маркиза де Нуантеля. В 1751 г. на средства Общества дилетантов в Афины прибыли живописец Д. Стюарт (1713–1788) и архитектор Н. Реветт (1720–1804), которые в течение трех лет проводили систематические раскопки, обмеры и зарисовки остатков архитектуры и скульптуры. В частности, они изучили исчезнувшие впоследствии памятник Фрасилла под Акрополем и ионийский храм на Иллисе, дважды обследовали Кикладские острова. Ими были изданы «Древности Афин измеренные и

Восточный фронтон Парфенона в Афинах. Гравюра с рис. Уильяма Парса. 1765 г.

зарисованные» в четырех томах (1762–1830). В точных изящных увражах запечатлены не только все памятники афинского Акрополя, но и его ансамбль, представленный как гармоничное единство разнообразных элементов природного ландшафта и архитектуры. Француз Ж.Д. Леруа в книге «Развалины красивейших памятников Греции» (1758) издал собственные зарисовки, отстаивая тезис о первенстве греческого искусства над этрусским и римским.

Общество дилетантов снарядило и «Первую ионийскую» экспедицию (1764–1766) с участием Н. Реветта, Р. Чендлера (1738–1810) и рисовальщика У. Парса (1742–1782). Помимо дополнительного исследования памятников Афин (1765), экспедиция обнаружила остатки дорических храмов на мысе Суний и о. Эгина, изучила древности Малой Азии, Сирии и Палестины, вновь обследовала руины Пальмиры и Баальбека. Книги «Древности Ионии» (1769) и «Ионийские древности» (1812) фактически открыли миру ионийское зодчество Малой Азии на о. Самос, в Приене и в Дидимах у Милета.

В последней четверти XVIII в. французские миссии трижды получали разрешение снимать слепки со скульптур Парфенона. К концу столетия относятся путешествия по Греции и Турции посла Франции в Константинополе (с 1784 г.) графа М.Г.Ф.О. Шуазеля-Гуфье (1752–1817), члена Академии надписей и изящной словесности, впоследствии директора Императорских библиотек и президента Академии художеств (1797–1800) в Петербурге. По его поручению в 1788 г. французский консул Фовель попросту спилил блок подлинных скульптур с «Эргастинами» с восточного фриза Парфенона (ныне в Лувре). Не брезгуя подобными методами, Шуазель-Гуфье собрал большую коллекцию античных надписей и древностей, во многом утраченную из-за событий конца столетия (одна часть погибла во время пожара

в Смирне, другая оказалась на захваченном англичанами судне и попала в Британский музей, третья была отправлена морем в Одессу, но дальнейшая ее судьба неизвестна). После смерти Шуазеля-Гуфье остатки его коллекции были проданы с торгов и попали в Лувр, музей Марселя и другие музеи Франции, а также разошлись по частным коллекциям.

В масштабном вывозе греческих подлинников в Западную Европу не отставали и англичане. Профессор минералогии Кембриджского университета Э.Д. Кларк (1769–1822) проехал всю Южную, Западную и Северную Европу, через Россию попал в Турцию, Грецию, Малую Азию, Сирию, Египет (1790–1802) и привез в Англию 183 ящика экспедиционных материалов, включая мраморы, надписи, рукописи, большинство из которых было вывезено нелегально, т.е. украдено не только в Османской Порте, но и в России. Особенно отличился Т. Брюс, лорд Эльгин (1766–1842), английский посол в Турции (1799–1803), увлекавшийся коллекционированием древностей. На собственные средства Эльгин нанял итальянских специалистов для зарисовки памятников и снятия слепков, причем добился официальных фирманов для получения их доступа на афинский Акрополь за 5 гиней в день. Используя благорасположение султана и подкуп турецких чиновников, лорд получил разрешение на раскопки и снятие скульптур и сумел вывезти в Лондон 12 фронтонных групп, 15 метоп, 56 плит фриза Парфенона, скульптуру Кору с портика Эрехтейона, куски фриза храма Ники, а также надписи и скульптуры из различных мест Греции, большое количество слепков и рисунков. В Лондоне Эльгин, заkleмленный лордом Байроном как варвар, разграбивший греческие святыни, организовал публичную выставку привезенных скульптур. В 1816 г. они были приобретены английским правительством для Британского музея.

В середине XVIII в. внимание антиквариев привлекли также древнегреческие памятники Италии – дорические храмы VI–V вв. до н.э. Пестума в Кампании, поразившие совершенством форм И.В. Гёте, и остатки зодчества Великой Греции на Сицилии. Первые описал Дж. Антонини (1745); серию рисунков опубликовал французский архитектор Ж. Суфло, посетивший Пестум в 1750 г.; книгу «Развалины Пестума» (1768) напечатал англичанин Т. Мейджор. Если знаменитый итальянский гравёр и архитектор Дж.Б. Пиранези (1720–1778) в конце 40-х годов работал над серией гравюр «Виды Рима» и издал несколько томов с исследованиями и реконструкциями практически всех знаменитых античных построек в Вечном городе и его окрестностях, то в последние годы жизни он переключился на греческую архитектуру – выполнил обмеры и сделал зарисовки, ставшие основой для серии офортов греческих храмов Пестума. Памятники Великой Греции были изданы в увражах Ж.П. Уэля «Живописное путешествие на Сицилию» (1782) и аббата де Сен-Нона «Живописное путешествие в Неаполитанское королевство» (1781).

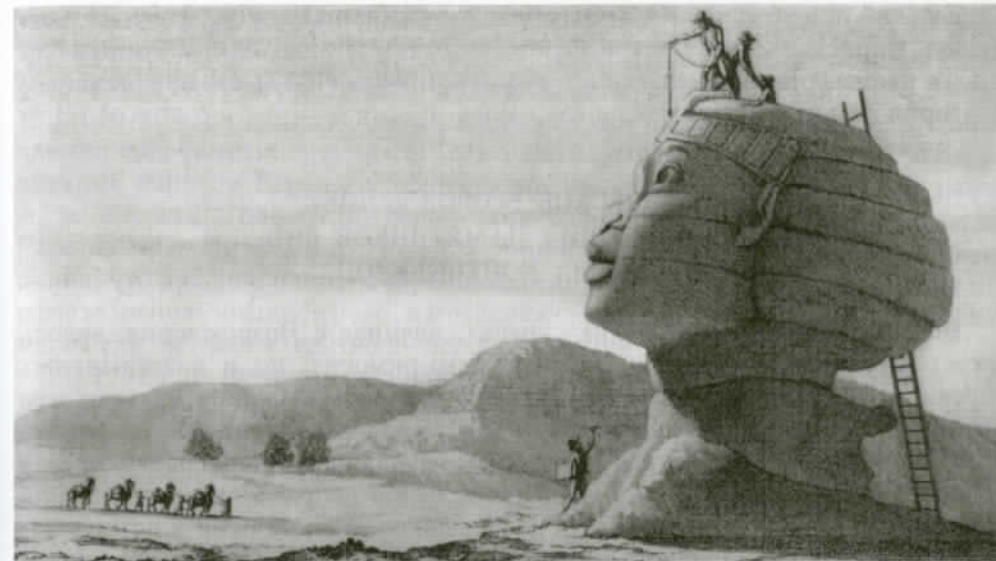
Одним из ярких представителей «Греческого возрождения» был член Академии надписей (с 1747) и Французской Академии (с 1789) аббат Ж.Ж. Бартеlemi (1716–1795), долго живший в Италии. В своей книге «Путешествие юного Анахарсиса в Грецию в середине IV века до Р. Х.» (1788) он попытался воссоздать в художественной форме картину древнегреческого мира на фоне рассказа о достопримечательностях Эллады. Книга получила небывалую популярность во многих странах Европы.

Сведения о Древнем Египте и других цивилизациях Востока европейцы могли почерпнуть из Библии, сочинений античных и арабских авторов и немногочисленных описаний европейских паломников, дипломатов и путешественников XII–XVII вв. Единичные научные труды – «Пирамидография» английского астронома и антиквара Дж. Гривза (1646) и «Египетский Эдип» немецкого ученого-энциклопедиста иезуита А. Кирхера (1602–1680) представляли данные об истории и памятниках древнеегипетской цивилизации, в том числе почерпнутые из средневековых арабских текстов. А. Кирхер безуспешно пытался расшифровать иероглифическую письменность, но правильно указал на связь коптского языка с древнеегипетским. Он состоял в переписке с Г.В. Лейбницем, который в 1672 г. направил Людовику XIV план завоевания Египта для обеспечения господства Франции в Европе. Более чем через сто лет эта идея была подхвачена Наполеоном. Вероятно, не только антикварные, но и внешнеполитические интересы побудили Людовика XV в 1726 г. отправить на Восток иезуита-миссионера К. Сикара с заданием составить план древностей этой загадочной страны. Сикар первым из европейцев посетил Долину царей – до него не было точно известно, где располагались древние Фивы.

По приказу датского короля Христиана VI в путешествие по Египту и Нубии (1737–1738) отправился блестящий художник, инженер-кораблестроитель Ф.Л. Норден (1708–1742). Этот военный моряк обследовал Александрию и ее окрестности, Каир, все течение Нила вплоть до Верхнего Египта, описал и зарисовал памятники, составил рукописные карты. Результаты поездки обобщены им в труде «Рисунки некоторых развалин гигантских статуй Фив в Египте» (1741) и в двух томах посмертно изданных записок с приложением 159 рисунков «Путешествия в Египет и Нубию» (1755; переизданы в 1795–1798). Капитан Норден подтвердил достоверность описаний древнеегипетских памятников, сделанных античными авторами, и подверг критике сведения, оставленные европейскими путешественниками. Уже упомянутый Р. Покок с томиками античных авторов в руках осматривал пирамиды, храмы Луксора и Карнака, под обстрелом разбойников добрался до Долины царей, где изучил 14 царских усыпальниц и составил планы пяти из них (1739, 1741). Но все же вплоть до конца XVIII в. цивилизация Древнего Египта оставалась загадочной – египетские иероглифы не были расшифрованы, памятники монументальной архитектуры и произведения искусства большей частью покоились под землей.

Следующую попытку расшифровать иероглифическую письменность предпринял в 1797 г. Г. Созга (Цозга) (1755–1809), переселившийся в Италию датчанин, получивший образование в Германии. Он проследил развитие египетского искусства и составил свод известных в Европе обелисков, где все иероглифы были воспроизведены стилистически точно, что позволило проследить их развитие во времени. Созга доказал отличие знаков для отдельных понятий от звуковых знаков и подтвердил наблюдение Бартеlemi, что рамки (картуши) содержат имена фараонов.

Развитие египтологии во многом связано с именем Наполеона Бонапарта, который восхищался Востоком и хорошо знал книги Ф.Л. Норде-

Французские ученые измеряют сфинкса. Гравюра с рис. Д. Виван Денона. 1802 г.

на и К. Нибура. Систематическое исследование Древнего Египта началось во время возглавленной Наполеоном военно-научной экспедиции в 1798–1799 гг., в состав которой входили 50 тыс. солдат и свыше 150 квалифицированных ученых и инженеров (включая архитекторов, антикваров, ориенталистов, художников). В Каире Наполеоном был основан Французский египтологический институт, занимавшийся собиранием древностей. Членом института стал искусствовед и художник Д.В. Денон (1747–1825), сразу заносивший свои впечатления от увиденного на бумагу. Вместе с армией Дезе он пересек весь Египет от Александрии до острова Филе и позднее издал «Путешествие по Верхнему и Нижнему Египту во время кампании генерала Бонапарта» (1802). Книга, иллюстрированная романтическими рисунками Денона, переиздавалась 40 раз и была переведена на немецкий и английский языки.

Военные поражения заставили французов в 1801 г. эвакуироваться из Египта. Собранная Французским институтом в Каире коллекция древнеегипетского искусства, предназначавшаяся для Музея Наполеона, попала в руки противника и разместились в Британском музее. Результатом занятий французских ученых в Египте стал выход 24-томного «Описания Египта» (1809–1829), которое включало 9 томов описания древностей, выполненных Деноном и сопровождавшихся рисунками Ф. Жомара.

Одним из наиболее значимых результатов Египетского похода стало случайное открытие при постройке военных укреплений так называемого Розеттского камня (1799) у западного устья Нила. На базальтовой плите был записан декрет в честь Птолемея V (196 г. до н.э.) на греческом и египетском языках, где египетский текст написан дважды – иероглифами и демотикой (сокращенная скоропись эпохи позднего Египта). Взятые за расшифровку французский арабист А.И. Сильвестр де Саси, английский физик Т. Юнг

и шведский ориенталист Ю.Д. Окерблад смогли понять лишь значение ряда знаков. Сопоставление текстов Розеттского камня дало Ж.Ф. Шампольону ключ к расшифровке древнеегипетских иероглифов (1822), ставшей главным фактором развития египтологии как науки.

«ГОТИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ», ОТКРЫТИЕ ДРЕВНИХ ПАМЯТНИКОВ ЕВРАЗИИ И ДРУГИХ КОНТИНЕНТОВ

Во всех западноевропейских странах, начиная с Возрождения, велось систематическое изучение не только греко-римских, но и национальных «древностей», которое особенно активизировалось в период охватившего Европу движения романтизма. Век XVIII породил «Готическое возрождение» и считался «веком руин», к которым изучающая их археология имела непосредственное отношение. Сложилось целое направление в пейзажной живописи и парковой архитектуре, воспевавшее поэтику руин и историческую брэнность всего сущего, быстро завоевавшее популярность. Характерным его представителем был французский художник Г. Робер (1733–1808).

Публикация увражей с изображениями живописных пейзажей с руинами повысила интерес европейцев к исследованию всего загадочного – мегалитов, курганов, развалин укреплений, о которых в письменной истории почти не сообщалось. Романтическое движение, зародившееся в середине XVIII в., стало протестом против рационализма Просвещения, обратной реакцией на абсолютизацию знания, что привело к отторжению принципов неоклассицизма, ставившего во главу угла изысканные античные образцы. Антикварианты стали изучать прошлое народной культуры, зачастую сознательно противопоставляя свои исследования изучению недоступных многим из них классических памятников. Этнография была экстраполирована на отдаленное прошлое, и антикварианты стали одновременно проводить этнографическое и археологическое изучение артефактов, привлекая этнографические аналогии для археологических интерпретаций. Это направление исследований, получившее развитие уже в XIX в., определяется как «палеоэтнографизм».

Именно в эпоху Просвещения археология начала разрабатывать занимавшие умы интеллектуалов вопросы о происхождении человека и древнейших этапах его развития. Даже в XVIII в. в обыденном сознании некоторым артефактам приписывались сверхъестественное происхождение и магическая сила. «Чертовы пальцы», «громовики» или «волшебные» стрелы и топоры (палеолитические и неолитические кремневые орудия, обнаруживаемые в комплексах эпохи энеолита и раннего железного века) рассматривались как порождаемые ударами молний атрибуты «бога-громовика». Еще в 1593 г. хранитель ботанического сада в Ватикане М. Меркати осознал, что «громовые стрелы» – каменное оружие древних людей, но его трактат был опубликован только в 1717 г. Сходные догадки независимо друг от друга высказывали У. Рудбек (1698), И. Эстерлинг (1714), Н. Магюдель (1730), Г.Ф. Миллер (1740) и др.

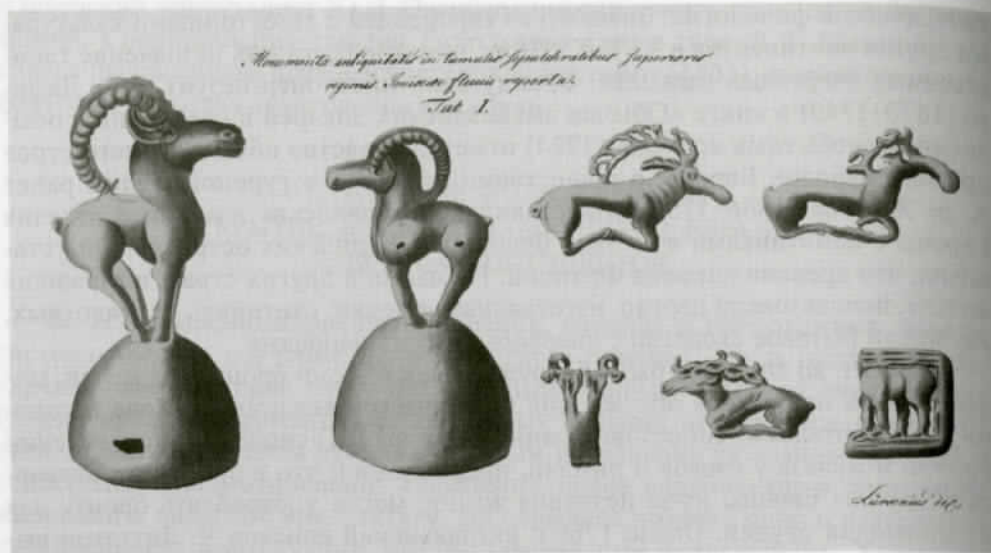
Представления о методах решения познавательных задач археологического исследования во многом формировались под влиянием этнографии и

классической филологии. Знакомство европейцев с автохтонными культурами других континентов в XVI–XVIII вв. помогло разгадать назначение таинственных «чертовых пальцев». Французский миссионер-иезуит Ж.Ф. Лафитто (1670–1740) в книге «Обычаи американских дикарей в сравнении с обычаями первобытных времен» (1724) отметил сходство общественного строя древних народов Европы с обществами ирокезов и гуронов. Годом ранее А. де Жюссье (1686–1758) сопоставил доисторические каменные изделия Европы с памятниками из Новой Франции и Карибских островов. Он установил, что древние племена Франции, Германии и других стран, не знавшие железа, использовали дерево, изготавливали лодки, охотились на животных, т.е. имели бытовое сходство с «первобытными» народами.

В 1751 г. во Франции был обнаружен клад из семи бронзовых мечей. находка стала предметом обсуждения Французской академии, в ходе которого Ж.Ж. Бартеlemi, сопоставив данные Гомера и Гесиода об употреблении бронзы и железа у греков и римлян, предположил, что в древности варварские народы Европы из-за незнания железа могли употреблять бронзу для изготовления орудий. Около 1766 г. англиканский епископ Ч. Литтлтон высказал мнение, что изделия из камня появились задолго до того, как стал доступен металл, и их можно отнести ко времени, предшествующему римскому завоеванию Британии. Десятилетие спустя английский эссеист и лексикограф С. Джонсон сравнил британские каменные артефакты с современными ему изделиями «диких народов» Океании, заключив, что те и другие были сделаны племенами, не знавшими железа (1775).

«Ученые экспедиции» XVIII в., направленные Петербургской академией наук в отдаленные земли Российской империи, в частности в Сибирь и на Дальний Восток, осуществляли комплексное изучение и сбор артефактов независимо от их культурно-исторической принадлежности. Академические отряды Второй Камчатской (Великой Северной) экспедиции (1733–1743) воочию столкнулись с племенами, живущими в каменном веке. Ученые научились идентифицировать орудия труда и кости животных и даже пытались определить относительную хронологию памятников различного типа. Особое внимание уделялось методичности исследований – тотальной фиксации всех объектов (независимо от их «понятности» и «важности» для науки того времени) при раскопках и разведках, графической фиксации артефактов, приобретению древностей для Кунсткамеры, составлению «ландкарт» и словарей местных терминов, привлечению этнографических параллелей, сопоставлению письменных и археологических источников. Ставилась задача соотнесения предметов, добытых при раскопках, с элементарными функциями жизнедеятельности аборигенов, т.е. этнографического сравнения с фактами их повседневной жизни. Детальное изложение этой академической программы представлено в инструкции академика Г.Ф. Миллера адъютанту И.Э. Фишеру (1740). Применявшийся учеными комплексно-географический (экосистемный) подход в контексте землеописания различных районов России привел к результатам, не утратившим своего научного значения до сих пор.

Полевые работы дали импульс к рождению собственно археологических методов исследований – фиксации стратиграфических наблюдений и разработки приемов относительной хронологии памятников. Датский епископ, профессор теологии Э.Л. Понттоппидан (1698–1764), автор ряда

«Семь идолов в образе разных зверей». Рис. И.В. Люрсениуса. 1735 г.

исторических трудов и инициатор топографической съемки Дании (1761) раскопал мегалитические захоронения на северо-востоке острова Зеландия. Описание памятников было издано им в первом томе «Трудов» (1745) Датского королевского научного общества, где автор отметил, что кремации, найденные под насыпью, залегают ниже, т.е. являются старше остальных погребений.

XVIII век положил начало применению естественно-научных методов в археологии. Лондонское королевское общество не только изучало органические остатки, но и пыталось определить функциональное назначение древних монументальных руин и сделало первые шаги в исторической атрибуции находок, о которых не сообщали письменные источники. Примером разноплановости исследований общества служат работы выдающегося английского антиквара и археолога У. Стакли (1687–1765). Он изучил следы древних построек в разных областях Англии, стремясь восстановить первоначальный образ исчезнувших сооружений и классифицировать их типы по схожим формам, в частности фиксируя стратиграфию курганов. Особое значение имеют отчеты Стакли о полевых исследованиях 1719–1724 гг., в том числе о мегалитических сооружениях Стоунхенджа (1740) и Эвбюри (1743), которые он вслед за предшественниками некритически приписывал друидам. Его выводы были развиты в фантастическую теорию о связи друидского жречества и Стоунхенджа, в результате чего в обыденном сознании англичан в последующее время эти два понятия стали прочно ассоциироваться.

В сотрудничестве с Лондонским обществом директор Гринвичской обсерватории, астроном Э. Галлей в 1720 г. проследил глубину выветривания, которому подверглись камни, и попытался определить возраст Стоунхенджа – 2000–3000 лет (современная радиоуглеродная датировка – от 3020 г. до 2100 до н.э.). Немец Г. Кейслер, путешествовавший по Северной Европе и

живший в Англии, в книге «Выборочные северные и кельтские древности» (1720) назвал Стоунхендж саксонским памятником, так как мегалитические каменные гробницы были известны и в Шлезвиг-Гольштейне.

Десятки работ по истории отдельных регионов Англии, Германии, Скандинавии были ориентированы на изучение «варварского мрака». Антикварины пытались отождествить конкретные пункты и видимые следы древности с городами, поселениями, племенами, упоминаемыми античными авторами, отчетливо осознавая, что им должны соответствовать определенные археологические материалы. Древние британцы, кельты, германцы, с которыми соотносилось большинство национальных древностей, в этих работах были романтизированы, уровень развития и масштабы их расселения преувеличивались. Стремление доказать, что предки северных европейцев были не дикими охотниками, а народом воинов, художников, философов, приводило к невероятным измышлениям. Так, профессор Упсальского университета У. Рюдбек (1630–1702) прославился сочинением об Атлантиде (1679–1702), в котором утверждал, что платоновской Атлантидой, колыбелью западноевропейской культуры, была Швеция.

Чтобы найти древности «варварских» племен, упомянутых древними авторами, антикварины раскопали сотни курганов, в погребальном инвентаре которых оказался невыразительный массовый материал. Так, Б. Фоссетт (1720–1776) провел раскопки более чем 750 курганов на юге Англии и опубликовал работы об англосаксонских курганах в Кенте (1757, 1773). Дж. Дуглас (1753–1819) издал «Британскую Нению», или Историю погребений Великобритании и «Историю британских курганов» (1793), отражающие уровень знаний о британских древностях в конце XVIII в. Во Франции изучением местных древностей во второй половине столетия занимался натуралист и антикварий О.Л. Миллен де Грандмезон (1759–1818), хранитель департамента древностей Парижской национальной библиотеки, автор свода «Национальные древности» (1790–1799) и основатель одного из первых археологических журналов – «Magasin encyclopédique» (1795–1816).

Начало научной скифологии связывают с появлением рукописного сочинения московского стольника А.И. Лызлова (1655–1696) «Скифская история» (1692), где собраны сведения западноевропейских (главным образом поздних польско-литовских) и русских источников о древних племенах Восточной Европы. Первые археологические материалы скифской эпохи стали известны благодаря экспонатам Сибирской коллекции Кунсткамеры и раскопанному генерал-поручиком А. П. Мельгуновым богатому комплексу Литого кургана (1763) в Приднепровье. Так называемый Мельгуновский клад был представлен императрице Екатерине II и по ее поручению изучен академиком Г.Ф. Миллером (1764), который не смог однозначно определить этническую принадлежность этого погребения, ошибочно приписанного им финноуграм.

В XVIII в. появляются и первые исследования по этногенезу северных и восточноевропейских народов, положившие начало археологической германистике и славяноведению. Исторические труды Тацита получают всеобщее

* Нения – в раннем римском фольклоре погребальная песня, восхваляющая и оплакивающая покойника.

признание после выхода их критического издания с подробными комментариями Ю. Липсия (1574). Но уже в эпоху Реформации внимание немецких гуманистов привлекает «Германия» – комментированное издание этого трактата Тацита было подготовлено Б. Ренаном (Базель, 1519). Опираясь на сообщения Тацита и собственные раскопки «полей погребальных урн» (трупосожжения II тысячелетия до н.э. – середины I тысячелетия н.э.) в Нижней Силезии, пастор Л.Д. Герман (1670–1736) приписал их древнегерманским племенам лугиев и квадов. Ранее и даже в начале XIX в. бытовало мнение, что могильники этого типа сами «растут в земле». Погребения того же типа в районе Гессена были приписаны И. Эстерлингом другому племени, упомянутому Тацитом, – хаттам (1714), причем автор сравнивал найденные каменные орудия, которые считал древнегерманскими, с изделиями индейцев Северной Америки.

Немецкие антиквариаты попытались дифференцировать германцев от славян по различиям в типах погребальных сооружений, приписывая мегалиты германцам (Г. Кейслер, 1720), а курганы – славянам. Археологические данные в этногенетических построениях о северных и восточноевропейских народах широко привлекал шведский историк, профессор красноречия и философии университета в Галле И.Э. Тунман (1746–1778). Намереваясь прояснить историю древнеславянских племен, польский аристократ граф Я. Потоцкий (1761–1815) предпринял серию путешествий по Европе, Азии и Африке. Он оставил ряд исследований о древних народах, а также издал первый историко-географический атлас территории Восточной Европы, составленный по данным античных и средневековых письменных источников (1805, переиздан в 1823 г.).

ПЕРВЫЕ ОБОБЩЕНИЯ

Артефакты, добытые кладонискательскими раскопками, к XVIII в. исчислялись десятками тысяч. Этот объем эмпирического материала настоятельно требовал систематизации. Первой попыткой его обобщения стал монументальный труд «Древности, истолкованные и запечатленные в картинах» (1719, с дополнением – 1724 г.) создателя греческой палеографии Б. де Монфокона, который параллельно с изучением письменных источников три года собирал в Италии предметы античного искусства, а также изображающие их рисунки и гравюры. Вернувшись во Францию, он издал «Итальянский дневник» (1721) со сведениями о раскопках, заимствованными из работ итальянских антиквариев. В «Древностях» представлена античная скульптура, предметы искусства, гравюры античных архитектурных сооружений Италии, Греции, Франции, выполненные в XVI–XVII вв. (с указанием автора и года исполнения), и дана первичная морфологическая классификация памятников по материалу, художественным формам и содержанию. Еще в конце XVII в. Монфоконом опубликованы результаты раскопок мегалитических памятников в Кошереле на р. Эр и в первом томе «Древностей» правильно приписал их этнической общности, не знавшей железа. Артефакты рассматривались Монфоконом главным образом как подтверждение изложенных в письменных источниках сведений, а также в качестве материальных свиде-

тельств жизни создавших их людей. Его изданием пользовались многие поколения антиквариев и художников вплоть до середины XIX в.

Во второй половине XVIII в. на фоне неоклассицизма кабинетная европейская археология переходит от рассмотрения древностей как феномена истории (в русле представлений Монфокона) к их изучению как памятников античного искусства. Становление искусствоведчески ориентированного антикваризма связано с именем немецкого историка античного искусства И.И. Винкельмана (1717–1768), папского префекта древностей (с 1763 г.), очевидца первых раскопок Геркуланума и Помпей, создателя методики искусствоведческого анализа памятников на основе сравнительно-исторического метода, автора «Мыслей о подражании греческим творениям в живописи и скульптуре» (1755), «Истории искусства древних» (1763), «Неизданных древних памятников» (1767) и др.

В духе господствовавших в его время идей Винкельман ясно и логически стройно объяснил развитие древнего искусства как закономерную циклическую эволюцию форм, опираясь при этом на научный сравнительно-стилистический анализ доступного материала и его археологическую интерпретацию. Он первым сформулировал смелую обобщающую концепцию, согласно которой каждой исторической эпохе (периоду, культуре, этносу) присущи свои художественные образы, соответствующие определенной духовной структуре; он же предположил, что искусство возникает, развивается и угасает в тесной связи с развитием общества и цивилизации. В качестве факторов, влияющих на развитие художественного творчества, Винкельман рассматривал природные условия, социальную организацию, уровень мастерства и развитие техники. Для большинства его современников стиль определял не эпоху, а человека, т. е. манеру художника. По Винкельману, напротив, «эпоха – это стиль», и задача антиквария – научиться распознавать стилистические особенности древних художественных памятников (стиль и манеру, свойственную тому или иному художнику, эпохе или школе) и их изменения во времени и в пространстве. Для этого надо учиться «смотреть и видеть», основывать выводы на визуальном анализе произведений, выработать умение оценивать памятники по их особому построению («морфологии»).

Сравнительно-стилистический подход Винкельмана дал антиквариям собственный метод изучения памятников, который позволял извлечь закономерности из самих артефактов и дополнить данные письменных источников путем сопоставления хронологической даты со стилистическими особенностями предмета. Это позволило в определенной мере освободиться от восприятия археологических памятников как иллюстраций к античной литературе и понять их самостоятельную ценность как источника. Однако созданная Винкельманом картина древности страдала идеализацией. Объем источников, которыми он оперировал, был ограничен, так как в его время науке были известны не сами греческие подлинники (за исключением храмов Афин и Пестума), а лишь римские копии. В соответствии со своей схемой циклического развития искусства, в художественном творчестве Греции Винкельман выделил 4 этапа: древнейший, высокий, изящный, подражательный (греко-римский). Показательно, что его интересовала лишь эпоха расцвета греческого искусства – «подражательный» период как «время упадка» он старался исключить

из своего рассмотрения. Научные принципы, методы и выводы, сделанные Винкельманом, объективировали знания о классической древности и превратили классическую археологию и историю искусств в самостоятельные научные дисциплины. Труды Винкельмана, переведенные на многие европейские языки, долгие годы оставались модным чтением, а для нескольких поколений антиквариев – образцом изданий археологических памятников.

Другой ученый и коллекционер, французский аристократ А.К.Ф. де Тюбьер граф де Кейлюс (1692–1765) вошел в историю археологии и историю искусств не только как автор семитомного «Собрания египетских, этрусских, греческих, римских и галльских древностей» (1752–1767), но и как инициатор первых физико-химических анализов антиков для определения их подлинности. Согласно Кейлюсу, археология обращена исключительно к анонимным объектам древности, которые следует изучать сравнительно-историческим методом; она стимулирует ученых к выводам, исходя из изучения самого предмета. Антикварий рассматривал древности, прояснявшие лакуны в свидетельствах античных авторов о жизни и быте античности, как непосредственные свидетельства определенной эпохи, пытался классифицировать памятники по их материалу и художественным формам. Во главу угла Кейлюс ставил сам артефакт, анализируя его для разъяснения художественного вкуса определенного времени, – он призывал изучать историю искусств, а не историю художников.

В 1767 г. профессор Гёттингенского университета Х.-Г. Гейне (1729–1812) начал читать курс лекций «Археология искусства древности, преимущественно греков и римлян», и после двухтысячелетнего забвения возродил греческий термин, ставший названием «науки о древностях». Почти за сто лет до Гейне, лионский врач и антикварий Ж. Спон (1647–1685) в книге «Ученая смесь о древностях» (1685) уже предлагал вернуться к термину «археология», но только с конца XVIII в. он стал употребляться в контексте истории античного искусства и постепенно вошел в международное употребление, укоренившись в России лишь в начале XIX в. Гейне понимал под «археологией» описание и классификацию памятников древности. При этом он классифицировал ее как один из разделов изучения античной литературы, считая ее наукой эстетической, а не исторической. Именно Гейне в трактате «Исправления и дополнения к Винкельмановской истории искусства древности» (1771) обратил внимание на поспешность выводов великого предшественника, признав за Кейлюсом первенство в познании «механики» искусств.

Гейне создал школу немецких филологов-классиков и археологов. Среди ее наиболее известных представителей были упомянутый Г. Созга (Цозга), оставивший исследования по римской скульптуре и египтологии, Ф.А. Вольф (1759–1824), прославившийся книгой «Введение к Гомеру» (1795), которая заложила основу современного гомероведения, И.Ф. Зибенкес (1759–1796), автор первого «Руководства по археологии» (1799–1800), К.А. Бёттигер (1760–1835), основавший первый археологический журнал в Германии – «Amalthea, Archäologie und Kunst». Во многом благодаря школе Х.Г. Гейне немецкое антиковедение почти целое столетие занимало ведущие позиции в мире.

В рамках «науки о древностях», развивавшейся с эпохи Возрождения, к XVIII в. были заложены основы ряда источниковедческих историко-филоло-

гических дисциплин – палеографии, дипломатики, кодикологии, папирологии, эпиграфики, нумизматики, сфрагистики, археологии, истории искусств и др. Обращение к прошлому, прежде всего к античному наследию, в эпоху Просвещения стало базироваться на других, отличных от Возрождения, основах. Со второй половины XVIII в. «неогуманизм» Винкельмана с несравненно большей научной строгостью поставил вопрос о целостном образе античной цивилизации, которая стала рассматриваться не только как идеал, а как определенный этап исторического развития человечества. Открытие других «культурных миров» способствовало появлению новой «философии истории»: выдвигению идеи общественного прогресса, формированию представления о едином историческом процессе, в котором участвуют различные цивилизации и культуры с собственной логикой развития и другими, отличными от европейских, ценностями. Но по объективным причинам различные регионы мира в историко-археологическом отношении не могли быть обследованы одинаково равномерно – лучше была изучена Западная Европа, в меньшей степени – Восточное Средиземноморье и отдаленные уголки Ойкумены. Именно в период антикваризма энциклопедическая «наука о древностях» начала выработку собственных методов полевых и кабинетных исследований, приступила к созданию системы научных организаций с программами изучения конкретных регионов, различных типов и видов источников. Главная заслуга антиквариев той эпохи – создание базы для дифференциации наук историко-филологического цикла в виде публикаций первых корпусов и научных обобщений накопленного материала, осознание необходимости строгой внутренней и внешней критики источников. Благодаря их трудам «открытие прошлого» человечества состоялось именно в XVIII в., но в следующем XIX столетии гуманитарные традиции Просвещения были переосмыслены и детализированы – сотканная энциклопедистами ткань мировой истории была расплетена на отдельные нити.

Палач, сам отрубаяющий себе голову. Сатира на Робеспьера. Эстамп. Ок. 1794 г. Музей Карнавале, Париж. © 2011. White Images/Scala, Florence. – К гл. «Революция и контрреволюция».

Спиридион Рома. Восток предлагает свои богатства Британии. 1778. Роспись плафона в здании Министерства иностранных дел и по делам Содружества в Лондоне. Выполнена по заказу Ост-Индской компании для зала заседаний Комитета по доходам в ее штаб-квартире на Леденхол-стрит. © 2011. Photo Scala Florence/Heritage Images. – К гл. «Эволюция Британской империи».

Натаниэль Данс Холланд. Джеймс Кук. Ок. 1775. Национальный военно-морской музей, Гринвич. © 2011. Photo Ann Ronan/Heritage. Images/Scala, Florence. – К гл. «Океания».

Карта Африки Иоганна Маттиаса Хазе (1737). – К гл. «Тропическая и Южная Африка».

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ: ВОСТОК И ЗАПАД В XVIII ВЕКЕ	
<i>С.Я. Карп, В.А. Мельянцева</i>	5

ЕВРОПА: ПРОСТРАНСТВО, ЛЮДИ, СОЦИУМ

Образ Европы. География, климат	
<i>З.А. Чеканцева</i>	12
Жизнь, опережающая смерть: население	
<i>З.А. Чеканцева (при участии А.М. Сточика, С.Н. Затравкина)</i>	19
Миры, утратившие равновесие: город и деревня	
<i>З.А. Чеканцева</i>	32
Обмен: рынок, деньги, кредит	
<i>З.А. Чеканцева</i>	40
Люди и техника. Начало промышленной революции	
<i>З.А. Чеканцева</i>	49
Порядок и беспорядок	
<i>З.А. Чеканцева</i>	58
Социальные иерархии и «цивилизация нравов»	
<i>Л.А. Пименова</i>	74

ПРОСВЕЩЕНИЕ И ЕГО ПРАКТИКИ

Что такое Просвещение?	
<i>С.Я. Карп</i>	100
Просвещение и власть	
<i>А.Б. Каменский</i>	104
Религия и церковь в эпоху Просвещения	
<i>Е.Б. Смилянская, О.А. Цапина</i>	133
Воспитание и образование	
<i>В.С. Ржеуцкий</i>	161
Чтение	
<i>Е.И. Лебедева</i>	175
Путешествия	
<i>Е.И. Лебедева</i>	180

Филантропия <i>Е.И. Лебедева</i>	185
Франкмасонство <i>Н.Ю. Плавинская</i>	188
Общественное мнение <i>Н.Ю. Плавинская</i>	200
«Партия философов» <i>Н.Ю. Плавинская</i>	205

«ОТКРЫТИЕ» МИРА

Систематизация знаний. «Энциклопедия» Дидро и Даламбера <i>Н.Ю. Плавинская</i>	210
«Открытие» Природы <i>И.С. Дмитриев, Э.И. Колчинский</i>	218
«Открытие» прошлого <i>И.В. Тункина</i>	233
Открытие «цивилизации» <i>Ханс Юрген Люзебринк (перевод Н.Ю. Плавинской)</i>	256

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

Океания <i>В.П. Николаев</i>	263
Латинская Америка <i>М.С. Альперович</i>	287
Русская Америка <i>М.С. Альперович</i>	307
Тропическая и Южная Африка <i>А.С. Балезин</i>	322

ВОСТОК

Арабский мир <i>С.А. Кириллина, В.В. Орлов</i>	345
Иран в XVIII столетии: век «великого замешания» <i>Т.А. Коняшклина</i>	385
Три мира Юго-Восточной Азии <i>В.А. Тюрин</i>	400
Индия: на переломе <i>Е.Ю. Ванина</i>	419
Китай: вёсны и осени последней империи <i>К.М. Тертицкий, Е.В. Волчкова</i>	457
Япония: мир за «бамбуковым занавесом» <i>А.Н. Мещеряков</i>	498

ПЕРЕМНЫ НА КАРТЕ МИРА. СУДЬБЫ ИМПЕРИЙ

Рах Еуропа: союзы и войны между европейскими державами, их результаты на карте мира <i>А.В. Чудинов</i>	514
Становление Российской империи <i>А.Б. Каменский</i>	542
Между Востоком и Западом: Османская империя <i>М.С. Мейер</i>	568
Эволюция Британской империи <i>К.А. Фурсов</i>	589
Война за независимость и образование США <i>И.Ю. Хрулёва</i>	622

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Истоки революции <i>А.В. Чудинов</i>	644
От Старого порядка к новому <i>Д.Ю. Бовыкин</i>	655
Террор <i>А.В. Чудинов</i>	664
Революция и контрреволюция <i>Д.Ю. Бовыкин</i>	678
Французская революция и мир <i>А.В. Чудинов</i>	694

ПРИЛОЖЕНИЯ

Хронология	707
Избранная литература	715
Указатель имен (<i>составитель Е.Н. Балашова</i>)	736
Указатель географических названий (<i>составитель Е.Н. Балашова</i>)	761
Перечень иллюстративного материала	780